

ЛАВКА РЕДКОСТЕЙ НА УЛИЦЕ ТЕНЕЙ

Аишкіна

Аишкина Аишкина ЛАВКА РЕДКОСТЕЙ НА УЛИЦЕ ТЕНЕЙ

<https://litres.ru/74564968>

SelfPub; 2026

Аннотация

В лавке древностей на Клоун-Лейн мистер Пибоди слушает вещи, которые помнят чужую боль. Ложка, зеркало, часы, кукла — каждая хранит историю, от которой лучше держаться подальше. Он не волшебник и не святой. Он просто умеет слушать — и отпускать.

Но однажды на пороге появляется девочка с вороной на плече и проклятой ложкой в руках. Элис Мэй приходит с просьбой, которая изменит всё. Так начинается история о памяти и прощении, о тенях прошлого и свете, который можно найти даже в самой тёмной лавке. Это роман о том, что вещи помнят нас — и о том, что мы можем их отпустить.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДОМ НА УЛИЦЕ КЛОУН- ЛЕЙН	4
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Аишкина
ЛАВКА РЕДКОСТЕЙ
НА УЛИЦЕ ТЕНЕЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДОМ НА
УЛИЦЕ КЛОУН-ЛЕЙН

Глава первая

Где представляется мистер Пибоди и его заведение

Не антиквариатом — это слово слишком напыщенно и пахивает аукционными залами с их бархатными молотками и важными господами в цилиндрах. Нет, я торгую именно древностями: вещами, которые помнят больше, чем следовало бы, и хранят в своих трещинах и потёртостях истории, от которых иным людям лучше бы держаться подальше.

Моя лавка находится на Клоун-Лейн — узкой улочке в восточной части Лондона, куда редко забредают приличные люди, разве что случайно свернут не туда по дороге от Смит-филдского рынка. Улица начинается у мрачного перекрёстка, где газовый фонарь горит даже днём, а заканчивается тупиком, в котором стоит старая водонапорная башня без воды. Посередине — двенадцать домов, и мой — девятый. Тот самый, у которого витрина заросла плющом настолько, что уже не видно, есть ли за ней что-нибудь вообще.

Витрина, впрочем, обманчива. За плющом — стекло, за стеклом — полумрак, а в полумраке — вещи. Много вещей. Столько, что посетитель, впервые переступивший по-

рог, обычно замирает на месте, пытаюсь понять, куда он попал: в музей, в лавку старьёвщика или в чей-то безумный сон.

Я не тороплю их. Пусть осмотрятся. Пусть привыкнут.

Потому что привыкнуть к моей лавке — это первое, что нужно сделать, если собираешься иметь с ней дело. А второе — никогда не спрашивать, откуда пришла та или иная вещь. Я всё равно не отвечу. Не потому, что не знаю. А потому, что знаю слишком хорошо.

В то утро — а дело было в октябре 1863 года, когда туман над Темзой стоял такой густой, что лодочники начинали перекликаться ещё до рассвета, боясь столкнуться вслепую, — я сидел за прилавком и чинил музыкальную шкатулку.

Шкатулка была старая, красного дерева, с перламутровой инкрустацией, изображавшей сцену охоты: всадники, собаки, затравленный олень. Внутри, под крышкой, — валик с зазубринами, гребёнка из стали, и всё это должно было играть «Зелёные рукава», но играло почему-то похоронный марш. Я уже третий час пытался понять, в чём дело, и начинал подзревать, что дело вовсе не в механизме.

— Доброе утро, сэр.

Голос был тихий и вежливый. Я поднял голову.

В дверях стояла девочка. Лет двенадцати, не больше. Худая, бледная, в сером платье, которое было ей велико на два размера, и в мужских ботинках, набитых бумагой. В руках она держала узелок из носового платка, а на плече у неё си-

дела ворона.

Я не сразу понял, что ворона — не чучело. Она повернула голову, посмотрела на меня одним глазом — блестящим, как мокрый агат, — и каркнула.

— Доброе, — ответил я, откладывая шкатулку. — Ты заблудилась?

— Нет, сэр. — Девочка сделала шаг вперёд, и ворона слегка покачнулась на её плече. — Я пришла по делу.

— По делу, — повторил я. — В двенадцать лет?

— Мне тринадцать, сэр. И я пришла не за подаяннем. Я хочу продать вещь.

Она развернула узелок. На прилавок, звякнув, легла серебряная ложка. Старинная, с выгравированным на черенке гербом — какой-то зверь, кажется, горноста́й, — и с одной крошечной царапиной на черпале, в форме полумесяца.

Я взял ложку в руки. Она была холодной. Не просто прохладной — холодной, как лёд, который не тает. Я перевернул её, посмотрел на клеймо. Лондон, 1712 год. Мастер — Томас Фаррен. Хорошая работа. Но дело было не в работе.

Дело было в том, что ложка помнила.

Я всегда чувствую это, когда беру в руки вещь, у которой есть история. Не просто история — История, с большой буквы. Такая, которая оставляет след. Ложка помнила страх. Не тот страх, что бывает при виде мыши или при внезапном стуке в дверь. Другой. Тот, что живёт в костях и не уходит до самой смерти.

— Откуда она у тебя? — спросил я.

Девочка молчала. Ворона на её плече переступила с лапы на лапу и тихо, почти нежно, каркнула ещё раз.

— Это ложка моей бабушки, — сказала наконец девочка. — Она умерла месяц назад. Перед смертью она сказала: «Отнеси её в лавку на Клоун-Лейн. Там живёт человек, который поймёт».

Я посмотрел на ложку. Потом на девочку. Потом на ворону.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Элис, сэр. Элис Мэй.

— А ворону?

— Это не ворона, сэр. — Девочка впервые улыбнулась, и улыбка у неё была странная — не детская, слишком взрослая для её лица. — Это мистер Кроу. Он говорит, когда захочет.

Я вздохнул. В моей лавке бывали и не такие посетители. Однажды приходил человек, который утверждал, что он — призрак, и требовал вернуть ему его собственную голову. Я тогда долго искал, но головы не нашёл, а человек ушёл, пообещав вернуться. С тех пор я ни разу не пожалел о том, что она не нашлась.

— Хорошо, Элис Мэй, — сказал я. — Расскажи мне всё.

Глава вторая

История Элис Мэй

Она рассказывала долго. Я слушал, не перебивая, потому что знал: в таких историях важна каждая мелочь. Даже то, как человек делает паузу перед словом «смерть», может сказать больше, чем сам рассказ.

Бабушку Элис звали Маргарет Мэй. Она жила в Уайтчепеле, в доме на Брик-Лейн, который снесли три года назад. Работала швеёй — шила платья для богатых дам, которые никогда не видели, в каких условиях создаётся их одежда. Муж её умер молодым, от чахотки, оставив её с двумя детьми. Один сын умер в младенчестве. Второй — отец Элис — вырос, женился и тоже умер, уже от другой болезни, оставив жену и дочь.

Мать Элис умерла два года назад. С тех пор девочка жила с бабушкой.

— Бабушка была странная, — говорила Элис, глядя в сторону, на пыльную витрину, за которой туман сворачивался в клубы, как дым из труб. — Она никогда не выходила из дома после заката. Никогда не брала денег у соседей, даже если мы голодали. И у неё была эта ложка. Она никогда ею

не ела. Просто держала в шкатулке под кроватью и иногда доставала, чтобы посмотреть.

— Что она говорила, когда смотрела на неё?

— Ничего. Она плакала.

Я молчал. Ворона — мистер Кроу — перебралась с плеча Элис на спинку кресла и сидела там, нахохлившись, как старый джентльмен в клубе.

— А месяц назад, — продолжала Элис, — бабушка заболела. Доктор сказал, что это лихорадка, что нужно много пить и лежать. Но она не стала лежать. Она встала ночью, когда я спала, и ушла.

— Ушла? Куда?

— Я не знаю. Утром я нашла её на полу в коридоре. Она лежала лицом вниз, и в руке у неё была эта ложка. Она была уже холодная. Но ложка была ещё холоднее. Я взяла её — и обожглась. Вот, смотрите.

Она показала ладонь. На коже, у самого основания большого пальца, был маленький белый шрам в форме полумесяца — точно такой же, как царапина на ложке.

Я нахмурился. Это уже было интересно. Не просто интересно — опасно.

— Бабушка умерла к утру, — сказала Элис. — Доктор сказал, что сердце. Но я слышала, как она говорила перед смертью. Она говорила с кем-то. Не со мной — я спала. С кем-то другим.

— Что она говорила?

— Она сказала: «Я не отдам её. Она моя. Я заплатила».

Тишина в лавке стала густой, как сироп. Даже пыль, казалось, перестала двигаться в лучах света, пробивавшихся сквозь щели в ставнях.

— И тогда, — сказала Элис, — я вспомнила. Бабушка однажды рассказывала мне историю. Давно, когда я была совсем маленькой. Она рассказала её ночью, при свече, и потом взяла с меня обещание, что я никому не расскажу. Но она умерла, а вы... вы тот, кому она велела отнести ложку. Значит, вам можно.

— Расскажи, — сказал я.

И она рассказала.

История была такая.

В 1712 году, когда королева Анна ещё сидела на троне, а Мальборо ещё не был в опале, в Лондоне жил ювелир по имени Томас Фаррен. Он делал ложки, вилки, табакерки и прочие мелочи для знати, и делал их хорошо — так хорошо, что о нём говорили в кофейнях на Корнхилле и в салонах на Сент-Джеймс-сквер.

Но была у Фаррена одна особенность, о которой знали немногие. Он умел делать вещи, которые помнили. Не так, как помнит человек — смутно, обрывками, с годами тускнея. А по-настоящему: вещи, в которых каждый момент их существования оставлял след, как волна на песке. И чем сильнее было чувство, испытанное владельцем, тем глубже

был след.

Фаррен не считал это даром. Он считал это проклятием. Потому что вещи, которые он делал, не приносили счастья. Они приносили несчастье — тихое, медленное, но неизбежное. Как болезнь, которая сначала не заметна, а потом уже поздно.

Ложка, которую принесла Элис, была одной из последних его работ. Фаррен сделал её для богатой вдовы, леди Анны Хардвик, которая хотела подарок для своей крестницы. Но крестница умерла от оспы прежде, чем подарок был вручён, и ложка осталась у леди Анны. Через год леди Анна сошла с ума — ей казалось, что ложка говорит с ней по ночам. Через два года она умерла в Бедламе, и ложка перешла к её служанке.

Служанка продала её старьёвщику. Старьёвщик — другому старьёвщику. Так она и странствовала по Лондону, от человека к человеку, и каждый, кто владел ею, терял что-то важное: деньги, здоровье, рассудок, близких. Но никто не связывал свои потери с ложкой. Люди вообще редко связывают свои несчастья с вещами. Им проще думать, что виноваты обстоятельства, судьба, злой рок. А вещь лежит себе тихо, в шкатулке или на полке, и ждёт.

Бабушка Элис — Маргарет — получила ложку от своей матери, которая получила её от своей. В их семье она передавалась как проклятие, но не как подарок: каждая женщина, перед смертью, отдавала её дочери, потому что боялась,

что если ложка останется у неё, то смерть будет страшной. А если отдать — можно умереть спокойно.

Маргарет не хотела отдавать ложку Элис. Она хотела разорвать цепь. Но не успела.

— Она сказала мне, — закончила Элис, — что ложку нужно отнести в лавку на Клоун-Лейн. Что там живёт человек, который знает, что с ней делать. Она не сказала, что вы будете делать. Просто сказала: «Отнеси — и всё».

Я откинулся на спинку стула. Ворона смотрела на меня, не мигая.

— Элис, — сказал я. — Ты знаешь, что это за ложка?

— Проклятая, — ответила она спокойно.

— Нет. Не проклятая. Проклятие — это когда кто-то желает тебе зла. А эта ложка... она просто помнит. Помнит всё плохое, что случилось с теми, кто её держал. И когда ты берёшь её в руки, она начинает помнить тебя. Твои страхи, твои слабости, твои тёмные уголки. Она не хочет тебе зла. Она просто не умеет забывать.

— И что с ней делать?

— Есть два способа, — сказал я. — Первый — уничтожить. Расплавить, переплавить, превратить в что-то другое. Но это не так просто. Такие вещи не любят умирать. Они цепляются за своё существование, как утопающий за соломинку. Можно расплавить ложку, но проклятие — или, если хочешь, память — перейдёт на того, кто её плавил.

— А второй способ?

Я встал, подошёл к дальней стене лавки, где висели часы. Их было много: большие и маленькие, с маятниками и без, с кукушками и с боем. Они все показывали разное время, и ни одни не шли верно. Я снял одни — маленькие, круглые, с треснувшим стеклом — и вернулся к прилавку.

— Второй способ, — сказал я, — найти того, кто сможет её выслушать. Не просто держать в руках, а именно выслушать. Всю её память, всю её боль, все истории, которые она хранит. И тогда она... отпустит.

— Отпустит?

— Да. Она перестанет быть проклятием. Станет просто вещью. Старой ложкой с историей. И её можно будет продать или оставить, и она не принесёт вреда.

Элис молчала. Ворона — мистер Кроу — перелетела с кресла на прилавок и постучала клювом по ложке. Звук был чистый, звонкий, как колокольчик.

— Вы можете это сделать? — спросила наконец Элис.

— Я могу попробовать, — сказал я. — Но должен тебя предупредить: это небезопасно. Тот, кто слушает такие вещи, рискует. Рискует тем, что чужая память станет его собственной. Рискует тем, что чужая боль останется с ним навсегда. Я делал это раньше, и... — я замолчал, потому что не хотел говорить ей о том, что случилось в прошлый раз.

— И что? — спросила она.

— И иногда это заканчивалось плохо. Для меня.

Элис посмотрела на ложку. Потом на меня. Потом на во-

рону.

— Мистер Кроу говорит, что вам можно верить, — сказала она.

Я вздрогнул. Ворона не каркала. Она просто сидела и смотрела на меня — и в её глазах было что-то, чего я не мог понять. Что-то старое. Что-то, что знало больше, чем следовало.

— Хорошо, — сказал я. — Я попробую.

Глава третья

О том, как я слушал ложку

Я не буду описывать всё, что я услышал.

Скажу только, что это было долго. Очень долго. Я сидел в задней комнате своей лавки, при свече, держал ложку в руках — и слушал. Слушал голоса, которые приходили из ниоткуда. Голоса мужчин и женщин, детей и стариков. Голоса, которые рассказывали о своих страхах, о своих потерях, о своих последних минутах.

Я видел Бедлам изнутри — не тот, что на картинах Хогарта, а настоящий, с запахом немых тел и звуками, которые не забываются. Я видел, как умирает ребёнок от оспы, и мать держит его за руку, и ложка лежит рядом на столе. Я видел, как человек вешается в сарае, потому что не может больше платить долги, и ложка — в кармане его сюртука. Я видел, как женщина тонет в Темзе, и вода заливают ей рот, и последнее, что она видит, — это ложка, которую она держит в руке, потому что не хотела с ней расставаться даже в смерти.

Я слушал это час. Два. Три. Свеча догорела, и я зажёл новую. Голоса не смолкали. Они становились тише, но не уходили. Они говорили все разом, перебивая друг друга, и я

должен был разобрать каждый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.